

Елена Арсеньева

Поцеловавший эти губы (Аврора Шернваль)

*Часть сборника
Королева эпатажа (сборник)*

Королева эпатажа

Елена Арсеньева

**Поцеловавший эти губы
(Аврора Шернваль)**

«Автор»

Арсеньева Е. А.

Поцеловавший эти губы (Аврора Шернваль) / Е. А. Арсеньева —
«Автор», — (Королева эпатажа)

ISBN 5-699-14364-5

«— Куда ж это он так гнал, страдалец?— Ой, жалостливый какой, гляньте на него...— А чего ж не пожалеть? Молодой, красивый, жить бы да жить, кабы не эта коряжина. Вот так неся сломя голову — и принесся. А там, может, матушка ждет, а то и барышня пригоженькая в окошко глядит: где ты, мой суженый? А суженый — вот он, с проломленной головой на дороге лежит...»

ISBN 5-699-14364-5

© Арсеньева Е. А.

© Автор

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	9
-----------------------------------	---

Елена Арсеньева Поцеловавший эти губы (Аврора Шернваль)

– Куда ж это он так гнал, страдалец?

– Ой, жалостливый какой, гляньте на него...

– А чего ж не пожалеть? Молодой, красивый, жить бы да жить, кабы не эта коряжина. Вот так несся сломя голову – и принесся. А там, может, матушка ждет, а то и барышня пригоженькая в окошко глядит: где ты, мой суженый? А суженый – вот он, с проломленной головой на дороге лежит.

– У всякого судьба своя, хватит тебе причитать. Ты вот что... коня расседлай, да в табор сведем его. Мол, по дороге мчал, знать, от какого-то табуна отбился. Цыгане, конечно, народ воровской, настоящую цену не дадут, да ладно, хоть какие-то деньги... К себе ж на двор привести его мы не сможем, верно? Пойдут расспросы: чей да откуда... Привяжутся, глядишь, донесут, понаедет полиция – не отмоешься вовеки. Еще и скажут, что мы этого бедолагу уходили. Поди докажи, что сам он упал!

– Так ведь ежели тело отыщут, все равно станут искать виновных. А цыгане возьмут да и скажут, что крестьяне из Ивановки им коня приводили. И скрутят нас, и в каторгу! Нет, пошли лучше отсюда подобра-поздорову!

– Глупый ты, брат, глупый да трусливый. Сними седло, сними уздечку – да в воду. Коня цыганам сведем. А этого... раба божьего... и его в воду, на глубину на самую. Поди набери камней, насыем ему в карманы, чтоб не всплыл. Ему-то, страдалцу, уж теперь все равно, а нам с тобой деньги позарез жизни нужны. Тебя от рекрутчины откупим, а я... а я женюсь! Расседлай коня! Ну, чего стал, о чем задумался?

– Да я все про барышню беленькую, красивенькую, с длинной косой, какая его ждет... В окошко, может, глядит, ладошкой вот этак подперлась: где ты, мой суженый, где мой ряженный? А он, вишь...

– Тьфу, ты, пропасть! Умолкни! Не было никакой барышни. Не было – и все тут!

А барышня между тем была! Была барышня, и в самом деле беленькая и красивенькая. Такая красивенькая, что люди при взгляде на нее напрочь теряли головы, а глаза их слепли, словно смотрели на солнце, хотя имя ее – Аврора – значило не «солнце», а «заря».

Прекрасная барышня Аврора и впрямь сидела у окошка, подпершись ладошкой, уныло склонив свою обвитую черной косой голову, смотрела вдаль невидящим взором и думала свою грустную думу о пропавшем бесследно женихе.

Звали жениха Карл Маннергейм. Был он богатым шведом, и его сватовство очень польстило бы отцу Авроры, выборгскому губернатору Карлу Иоанну Шернвалю фон Валлену, кабы оный губернатор к тому времени еще оставался в живых. Однако он покинул мир сей, и теперь судьбой двух его дочерей, Авроры и Эмилии, занимался их отчим.

Красота сестер могла вполне называться сказочной. Очень может быть, подобных им в мире не было красавиц... вот разве что Елена Прекрасная, из-за которой рухнул Илион. Но была ли от этого счастлива сама Елена? Не зря говорят: не родись красивой, а родись счастливой.

Разница между сестрами была в два года, и первой начала выезжать Аврора. В 1824 году на балах в Гельсингфорсе¹ возшла новая звезда. Звезде было шестнадцать, звали ее Аврора

---

¹ Раньше так назывался Хельсинки.

Шернваль, и люди трезвомыслящие, едва уняв головокружение, наступившее от ее баснословного очарования, вздыхали с сожалением:

– В ней так много говорит душе... и ничего – карману!

В самом деле, красавицу никак нельзя было отнести к числу богатых невест. На счастье, трезвомыслящих людей в те поры в Гельсингфорсе оказалось удивительно мало, а потому вокруг Авроры закружился целый хоровод молодых красавцев, преимущественно офицеров, потому что Финляндия лишь недавно вошла в состав Российской империи, и «право сеньора» требовалось непрестанно укреплять с помощью военной силы.

В это время в Гельсингфорсе появился новый генерал-губернатор – граф Арсений Закревский. Он привез сюда жену – Аграфену Федоровну, заслужившую феерическую славу своей красотой, обольстительностью и исключительным свободомыслием – не в политике, о нет, а в вопросах любви. Не зря же ее называли Клеопатрой! Три самых блестящих офицера – Николай Путята, Евгений Боратынский, Александр Муханов – немедленно сделались ее верными и неизменными адъютантами, то есть кем-то вроде денщиков. Ну, так вот они были не только денщики, но заодно и ночевщики *belle* Аграфены. Однако при появлении Авроры Шернваль в трех этих головах, как и во всех прочих, сделался сильнейший умопомрачительный порыв, и молодые люди задержались, забились, заплясали, словно дергунчики-марионетки, совершенно не зная, куда кинуться – к прельстительной опытной Аграфене или к невинной обворожительной Авроре, от которой и в самом деле невозможно, ну просто невозможно было отвести глаз, как если бы она и впрямь была утренняя золотисто-розовая заря, только что взшедшая на востоке...

Поскольку Евгений Боратынский был поэтом, и даже приобретшим некую известность, он немедленно написал мадригал для красавицы и на одном из балов улучил минутку передать ей записку, на которой значилось следующее:

A. Aurore C...

Oh, qu'il te sied ce nom d'aurore,
Adolescente au teint vermeil!
Verse lumière, et plus encore
Aux, c'urs dont tu romps le sommeil,
Entends la voix déjà souffrante

De la jeunesse prévoyante;
«Pour qui se lève ce beau jour?
Pour qui cette Aurore charmante
Sera-t-elle soleil d'amour?»²

Стихотворение сие было написано именно по-французски, поскольку прекрасная Аврора не знала русского языка. То есть вообще ни слова не знала! Однако Боратынский был все же русский поэт милостью Божией, а потому он немедленно создал вариант сего стихотворения на русском языке, весьма далекий от унылого подстрочника, и назвал его: «Девушке, имя которой было Аврора». Под этим названием оно и войдет затем во все собрания сочинений господина Боратынского:

---

² Авроре Ш... О румяная девушка, как тебе подходит имя Авроры! Лей сиянье, и не только сиянье пробужденным тобою сердцам. Услышь заранее страдающий голос предусмотрительной юности: «Для кого начинается этот прекрасный день? Для кого эта чарующая Аврора будет солнцем любви?»

Выдь, дохни нам упоеньем,
Соименница зари;
Всех румяным появлением
Оживи и озари!
Пылкий юноша не сводит
Взоров с милой и порой
Мыслит, с тихою тоской:
«Для кого она выводит
Солнце счастья за собой?»

Боратынский был красив: он обладал весьма модной во всякое время романтической внешностью и печальным, даже трагическим обаянием, которое обращало к нему сердца дам и девиц. Путята был веселый клоун. Взгляд щеголеватого Александра Муханова искрился бесовским синим пламенем. И черные, роскошные очи Авроры (и как только умудрился породить белобрысый швед Шернваль этакую итальяноподобную красоту?! Эмилия была синеглазая блондинка, ну а Аврора... Аврора-то в кого такая пошла?) зажглись ответным этому пламени сиянием.

Муханов записал в свой дневник косноязычный отзыв о красоте избранницы: «Она хороша, как бог!», немедленно позабыл всех своих многочисленных любовниц (он был не только бретер, игрок, фат, щеголь, но и отъявленный ловелас, неутомимый волокита, способный дать фору самому Казанове!) в Петербурге, Москве, Гельсингфорсе, Выборге, Риге, Вильно, Христиании, Тарту и так далее и тому подобное – и посватался к Авроре. Но едва получив ее согласие и собравшись за благословением к маменьке и отчиму Авроры, Муханов внезапно спохватился. Да что ж он делает, несчастный?! Сам без гроша в кармане (всего богатства – убогое Успенское, однодворное имение) и невесту за себя берет такую же? Одумайся, пока не поздно, Муханов! Что? Слово дал? Слово, оно, конечно... Но ведь не зря же, не случайно написал его мудрый друг Боратынский:

Невластны мы в самих себе
И, в молодые наши леты,
Даем поспешные обеты,
Смешные, может быть, всевидящей судьбе.

Вот и Муханов оказался в себе невластен, вот и он дал поспешные обеты, над которыми сейчас, конечно, хохочет всевидящая судьба. И, чтобы не слышать этого хохота, он немедленно объявил себя чахоточным больным, просто-таки умирающим, а потом пустил в ход все свои связи, вплоть до слезной просьбы к Аграфене-Клеопатре, перевести его из «гибельной финляндской сырости»... в Петербург. Ну да, там ведь сушь караумская...

Накануне отъезда друга из Гельсингфорса Евгений Боратынский, который как раз находился в это время в Петербурге, прислал Александру стихотворное послание, которое так и называлось: «Запрос Муханову». Боратынского очень интересовала судьба этой любовной истории:

Что скажет другу своему
Любовник пламенный Авроры?
Сияли ль счастьем ему
Ее застенчивые взоры?
Любви заботой полна,
Огнем очей, ланит пыланьем

И персей томных волнованьем,
Была ль прямой зарей она
Иль только северным сияньем?

Муханов только вздохнул, прочитав эти строки, и писать в ответ ничего не стал. Все равно они с Евгением скоро увидятся и объяснятся.

Итак, Муханов уехал.

Аврора была слишком горда, чтобы выказывать свое горе. Теперь ее красота казалась броней, пробить которую представлялось невозможным. Уврачевать оскорбленное сердце помогла тревога за сестру.

Эмилия появилась на гельсингфорском горизонте спустя два года – и немедленно влюбилась. Предметом ее страсти сделался граф Владимир Алексеевич Мусин-Пушкин, который был сослан туда за связь с декабристами. Конечно, можно было бы ожидать для такой красавицы более блестящей партии, однако ведь любовь! Отчиму девушек было жаль Аврору, которая втихомолку страдала, и он не мог заставить страдать и Эмилию... Правда, влюбленных попросили подождать с венчанием, пока с Мусина-Пушкина не будет снят полицейский надзор. В 1828 году они обручились, в 1831 – повенчались. Теперь уже Эмилия – вполне счастливая Эмилия – ничего так не желала, как устроить судьбу сестры. Нет, ну в самом деле, не совсем хорошо складывается: младшая сестра замужем, а старшая – все еще нет. Это даже считается неприличным... Ах, ну почему на пути Авроры не встретится человек, столь же благородный и красивый, как граф Мусин-Пушкин? Он – живое опровержение истины, что никому из мужчин нельзя верить. Выходит, нельзя верить только подлому изменнику Александру Муханову, который разбил сердце Авроры. И надо же было такому случиться, чтобы первая любовь ее оказалась несчастной! Может быть, повезет со второй?

Эмилия так старательно молилась о счастье сестры, что небеса услышали ее. Карл Маннергейм, богатый и знатный швед, отпрыск знатного рода, пленился красотой девицы Шернваль и немедленно сделал предложение, которое было благосклонно принято.

Эмилия вздохнула с облегчением. А Аврора... Аврора просто вздохнула. В этом вздохе было смиренное согласие с судьбой, которая именно таким образом решила устроить ее счастье. Да, сердце ее рвалось от любви к Александру Муханову, однако Аврора прекрасно знала, что станет Карлу Маннергейму хорошей женой. Будет верна ему до смерти, никогда в сторону не взглянет, и даже появившись прямо вот сейчас перед нею синеокий демон-искуситель Александр Муханов, ему придется уйти ни с чем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.